

Публицистика

РЕПОРТАЖ ИЗ КАБУЛА

АННА СЛЁЗОВА

ВИД ИЗ ОКНА

День 27 апреля 1979 года останется в памяти как совсем особый: первая годовщина революции. Вечером я записала:

«Встала в половине 8-го, светило яркое солнце, вышла на балкон. Кабул зеленел внизу, тишина такая, что не слышно даже привычного шума патрульных вертолетов. Парад начинался в восемь, и, позавтракав, я побежала в зал смотреть телевизор.

Праздник начался с военного парада, потом — демонстрация. Идет в основном молодежь — лица, техникумы, институты, университет. Во главе каждой колонны — группа танцоров, исполняющих национальный танец, кажется, что вся демонстрация кружится в вихре красного цвета. В красное затянута правительственная трибуна, красные околыши офицерских фуражек, красные платья лицесток, рубашки студентов, жилетки танцоров, алым обтянуты барабаны, над головами — пурпурное море флагов, транспарантов, с неба город засыпают красные, похожие на тюльпаны, листовки, на всех языках Афганистана на них написаны революционные лозунги и призывы.

Шелестят листовки, режут моторы, шумит и поет толпа, все это многоголосье организуется в единое целое ритмом глухих ударов барабана.

Операторы работали плохо, а может, так было задумано, но мы не видели лиц, глаз — только толпу, флаги, танцы, цветы...

В три часа поехали в посольство. Едем глухими улочками, где с трудом протискивается машина, поражает контраст блеска телевизионного парада и тревожного молчания города.

Смеркается, на западе, на сером, темнеющем небе чернеют горы с огнями иллюминации на вершинах. Через час отсюда протянутся гигантские руки света прожекторов...

Возвращаемся домой часов в девять вечера, из дуканов¹ доносятся ароматы пряностей, старики неторопливо пьют чай, изредка кинжалом поблескивают глаза. Молодежь веселится...

Дома меня ждет мой друг — лицеист Ахмад Валид. Мы пьем чай. Азартно, как шарик в пинг-понге, он бросает слова. Валид не знает русского и говорит по-английски, английская речь звучит резко и гортанно, как слова его родного языка.

— Амин — предатель, многих людей расстреливают ни за что, трупы сбрасывают в реки... Народ не простит ему этого.

Я молчу.

— Конечно, я могу говорить с вами об искусстве или о своей семье, но я хочу, чтобы вы знали правду и рассказали о ней своим друзьям.

— Вы были на демонстрации?

— Да, был, конечно... Это праздник революции.

— Хотите еще чаю?... (Я думаю о том, что вчера во время киносеанса арестовали двух студентов, они были активными участниками апрельских событий прошлого года...)

9 месяцев я работала в Афганистане учителем — преподавателем русского языка в Кабульском автомеханическом

¹ Дукаан — лавка, магазинчик.

СЛЁЗОВА АННА ГЕОРГИЕВНА.

Советский педагог. Окончила филологический факультет Московского университета им. М. В. Ломоносова. Преподаватель кафедры русского языка для иностранцев гуманитарных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова. Публикуемая рукопись — фрагменты из ее записок об Афганистане.

техникуме, куда приезжали студенты из всех провинций Афганистана изучать машины и русский язык. Нашим ученикам по 18—25 лет. Нередко урок превращался в серьезный разговор о жизни. Помню, как повторение грамматического материала на основе специального текста «Относительность покоя и движения» закончилось обсуждением проблемы о том, кто создал мир и человека. А на переменах на нас каскадом сыпались вопросы на «посторонние» темы.

— Учитель, мы занимаемся в советском техникуме, нас спрашивают друзья:

— Когда наступит коммунизм в СССР?

— Победит ли революция в Афганистане?

— Правда ли, что Ленин был другом Карла Маркса и они вместе «делали войну» с фашизмом?

— Как лечить грипп?

— Начнет ли Китай мировую войну и когда?

— Что у вас принято есть на обед?

— Что делать, если брат выгоняет из дома?

— Будет ли СССР помогать афганскому народу в его революционной борьбе? — и т. д. и т. п.

Понятия «учитель», «ученичество» уже почти потеряли в нашем сознании первоначальную значимость, значительность: часто для нас учиться — значит просто получать новую информацию, а учитель — это источник информации, как книги, газеты, журналы — и только.

В Афганистане учитель — это не профессия, это — образ жизни. Там сохранилось еще некое благоговейно-трепетное отношение к человеку, который вводит в жизнь, раскрывает мир и всей своей жизнью создает живой образец поведения человека в этом мире, — к учителю.

— Кем вы хотите стать, когда окончите техникум?

— Учителем, как мой учитель.

Учителя нельзя называть по имени, так он высок, только «муаль», «остад» — мастер, как звание.

Учитель сыграл огромную роль в судьбе многих наших студентов.

— Учитель мне давал книги Ленина, Маркса, рассказывал, почему мы живем бедно, а другие — богачи. Когда он говорил о жизни трудящихся, мы «плакали». — В устах «вечерника», взрослого, обремененного заботами и семьей человека этот рассказ о преподавателе языка дари убеждал особо.

— О коммунизме мне рассказал учитель, он — француз.

Ихваны¹, совершая бандитские налеты на деревни, прежде всего убивают учителей, сжигают школы.

Мне рассказывали о судьбе молодого учителя, прошлой весной окончившего университет в Кабуле. Летом начался его первый учебный год. Он уехал работать в Нуристан, там почти нет школ.

¹ Террористическая религиозная организация «Братья мусульмане» — «Ихваноль муслимин» (штаб-квартира в Каире) — возникла в Афганистане в 60-е годы, объявила неприимую войну апрельской революции.

Осенью в деревню пришли ихваны, они предложили учителю перейти на сторону контрреволюции, он отказался. Тогда бандиты зверски убили его, серпом отрезали нос, уши, руки, голову...

И все же:

— Кем вы хотите быть после окончания техникума?

— Учителем, как мой учитель.

Я прилетела в Кабул 22 сентября 1978 года, вылетев из Москвы в ночь на 13 сентября 1978 года. Привычные, устоявшиеся представления о времени смешались, превратясь в ничто, от них осталось лишь воспоминание.

В первые дни, например, ставили в тупик, да просто пугали ответы на вопрос:

— Когда вы родились?

— Я родился в 1340 году.

— Простите, когда вы родились?

И так же уверенно в ответ:

— Я родился в 1340 году.

— Подумайте, не спешите. Когда вы родились?

— В 1340 году, а может быть, в 1341 году, я точно не помню, учитель.

Я прекрасно знала, что в Афганистане сейчас XIV век, более того, пелый год до поездки в Афганистан работала с группой японцев, по календарю которых шел 53 год эры Сёва. Я знала, что наше представление о времени относительно, но сознание просто отказывалось воспринимать дату — 1340 год...

Из письма домой, написанного на второй день жизни в Кабуле:

«Восток считают краем контрастов, в Кабуле я их пока не вижу: кругом одна бедность, один цвет — серо-коричневый, всех оттенков, с добавлением зеленого — деревьев, синего — неба, желтого — солнца. Над городом стоит невесомая густая дымка пыли и зноя.

Мы живем в маленьком студгородке при кабульском техникуме. Городок окружен каменной стеной, нас охраняют 27 солдат с автоматами: здесь так принято, в аэропорту под деревом тоже сидел солдат, ного и что он охранял — не знаю, но сидел под деревом и курировал...

Еще не приступили к работе. Жизнь Афганистана, его люди — пока словно декорация спектакля. Не знаю, не понимаю, и все впечатления заданы литературой — верблюды, базары, мечети, рынки и прочая экзотика.

Здесьняя осень напоминает что-то вычитанное в книгах: опустевшие курортные города, голые блестящие ветви деревьев. Высоченный тополь, стройно стремящийся вверх, и где-то далеко, на его вершине, шапка золотых листьев; белые дома-дворики, чуть похожие на виллы, пестрые витрины магазинов, большая и малые гостиницы, широкие пу-

стынные мостовые; ветер, гонящий пыль; редкие прохожие, в основном иностранцы, и неподвижно застывший на коротышках у обочины дороги старик в дастаре (это что-то вроде чалмы) и одеяла... Это Шари-Нау — богатая часть города.

Ключья снега все ниже и ниже сползают по склонам гор, и кажется, скоро достигнут и до нас...»

Зимой, когда становится холодно, на плечах многих дукандаров (так называют мелких торговцев) появляются вместо привычных нам пальто одеяла; с каким достоинством обкручиваются ими афганские шеголи, превращая на своих плечах в роскошные средневековые плащи. Сходство усиливается вечером, когда видишь лишь силуэты в отблеске костров, согревающих торговые лавочки; что-то сказочное и торжественное есть в этом — черное небо, золотые апельсины, горой вырастающие у входа в дуكان, рыжие языки пламени и черные складки плащей, жесты размеренны и торжественны...

В причудливом переплетении нового и старого учусь постигать величие и противоречия времени, о котором раньше только читала в книгах, — времени социального и духовного обновления страны, прожившей первый послереволюционный год.

Река Кабул издавна служила «прачечной» жителям Кабула, сюда приходили женщины с охапками грязного белья, в самоварах кипятили воду, стирали белье, а затем сушили его тут же на камнях на солнце, доскуты одежды пестрели вдоль всего берега, превращая реку в яркий пояс города. В апреле этого года на берегах Кабул-дарьи сушили красные полотноща для транспарантов, а на веревках около красильных мастерских развешивались на ветру, запутываясь краями, сиреневые, синие, серые чадры и алые полотноща будущих транспарантов. Кочевники, спустившиеся с гор, — огромные крытые машины везут их скарб; пение муэдзина, записанное на магнитофон; японский цветной телевизор, который стоит прямо на улице...

Демонстрация рабочих и студентов на извилистых улочках древнего города, красные тряпочки, изображающие флаг, и портреты Таракки на дукане, а там — дукандар в байковом калате — так, наверное, сидели в своей лавке его предки лет 200 тому назад.

Наш городок расположен у подножия Шер-Дарвазы на территории старого кладбища. Со всех сторон его окружают могилы, ползущие вверх по склону горы. Зимой, в период дождей, кладбище кажется страшным, днем при солнце это ощущение исчезает. На могилах играют дети: здесь они устраивают соревнования своих воздушных змеев — чей поднимется выше в небо и продержится там дольше «Гуди паран» — воздушная игрушка — одна из любимых забав не только детей, но и взрослых. Зимой

они устраивают свои змеиные воздушные бои. Местом этих соревнований часто становится Джелалабад. Но сюда на соревнования сткаются не только жители этого города, едут на велосипедах, машинах, а к багажнику прикручен огромный детский бумажный змей.

Змеи делают из кусков тонкой цветной бумаги — красной, синей, зеленой, желтой, — сочетания бывают самые невероятные, а сами змеи иногда могут достигать двух метров в диаметре. В Кабуле их продают в дуканах, вывешивают на заборах домов, и по количеству воздушных змеев можно догадаться, сколько детей в семье.

Для меня воздушный змей стал частью города Кабула и его символом. Сколько раз, выходя на балкон, я видела где-то внизу, в долине, город в дымке зноя и пыли, немой и пастороженный, синее небо, прорезанное белой линией самолета, улетающего туда, где очень трудно, где идут бои с контрреволюцией, и залутовавшийся в этих белых линиях пестрый квадратик детского бумажного змея. Мы жили в бедном районе, и для окрестных детей воздушный змей был, вероятно, единственной игрушкой — они запускали его с утра до вечера, а кладбище — местом игр, фантастическим «змейдромом».

Камни могил, расположенные на южном склоне «нашей» горы, всегда были горячими и блестящими. В них отражались солнце и небо. Часто там можно было увидеть кого-нибудь из студентов, сидящим с книгой в руке на могильном холме, облокотившись на камень, стоящий в головах, и задрав голову в сторону солнца: в общегитити холодно и шумно — трудно заниматься. А на склоне горы солнце, и там никто не мешает читать...

— Здравствуй, З., очень рада тебя видеть. Как дела?

— Хорошо... я записался добровольцем.

— Ты же в сентябре должен лететь в Москву!

— Да, если не умру... Мне бы только Москву увидеть, а там будь что будет...

З. 19 лет, его самая заветная мечта — увидеть Москву. Присхать в Москву сложно и дорого. На конкурсе «Знаешь ли ты Советский Союз», организованном на выставке СССР в Кабуле, он занял первое место и награжден бесплатным авиабилетом по маршруту Кабул—Москва—Кабул. Он пришел похвастаться этим билетом. Но...

— Убьют, парва надарад, учитель. Я афганец!

Перевести словосочетание «парва надарад» трудно, это не просто слово — это целая философия, не зная его значения, невозможно понять душу нации. Ближе всего оно нашему русскому «ничего, не страшно», но употребляется гораздо чаще нашего «ничего» и содержание его глубже.

Афганцы работают в поле: сколько терпения и труда нужно для того, чтобы сначала натаскать землю на каменистые склоны, закрепить ее там, защитить от зимних ветров, весенних дождей и летней засухи, а потом вспахать деревянной сохой на быках, а потом еще успеть вручную убрать урожай, и при всем при этом умудриться часами сидеть и думать или неторопливо пить чай в кругу друзей, отвечая на все назойливые замечания лаконичным «парва надарад» — «Ладно, ничего».

«Парва надарад» на все лады повторяют дунандары на базаре, вы купили рубашку, а на ней оторваны все пуговицы — парва надарад, ханум-саиб, у чашки отбита ручка — парва надарад!

Но «парва надарад» — это не просто ладно, наплевать! В этих словах и фатализм и мужество.

В Афганистане могут убить из-за угла за то лишь, что ты носишь на груди значок с изображением Ленина.

— Учитель, у вас есть значок с Лениным?

— Да, есть.

— Дайте мне.

— Нет, не дам. За значок вас могут убить.

— Парва надарад, учитель, я спрячу, дайте значок.

И зубы бият в улыбку.

С конца марта 1979 года обстановка в стране становится все сложнее и напряженней. У нас были студенты из Кунара, Пактия, Герата и Джелалабада, дома у них остались родители, братья и сестры: когда они приезжали домой на праздники, часто это был не праздник, а «война», в глухих кишлаках бандиты убивали просто за то, что парень — студент из Кабула.

В начале апреля студенты — члены НДПА¹ — начали исчезать после занятий: в течение двух недель каждый день их учили стрелять; потом прошла первая партийная мобилизация — многие студенты ушли в армию во время беспорядков в Логаре (75 км от Кабула) на несколько дней мобилизовали всех членов НДПА техникума — студентов, ассистентов, преподавателей, директора. В городе проходили митинги — члены Демократической организации молодежи записывались добровольцами в отряды комитетов защиты революции. Многие даже на занятия ходили с оружием, спрятанным под рубашкой; каждый день в госпиталь привозили машины раненых.

Теперь студенты уже понимали, что революция — это не только митинги, марши, субботники, но и жестокая борьба, они понимали, что революцию надо защищать с оружием в руках, ценой собственных жизней.

— До экзаменов нам осталось повторить 20 вопросов, если на каждом уро-

ке мы будем проходить по два, то успеем.

— Успеем, учитель, если не умрем.

Нам казалось, что студенты чуть-чуть бранируют возможностью скорой смерти и подвига, что им нравится шокировать преподавателей.

И все-таки это была не только мальчишеская бравада — из провинций в Кабул приходили тревожные вести, часть группы уже записалась добровольцами в отряды комитетов защиты революции, судьба многих семей студентов оставалась неизвестной. Я думаю, что в этих словах выражалось впитанное еще с молоком матери и песнями дедов осознание смерти как чего-то естественного и неминуемого, о чем можно говорить, не боясь слезить, чего нельзя избежать, а следовательно, чему и не надо противиться. А еще в них звучали мужество и твердое осознание своего долга...

21 марта мы встретили Новый 1358 год по мусульманскому солнечному календарю.

Это было тревожное время: контрреволюция подняла мятеж в Герате. Рабочие и студенты — члены НДПА — дежурили по ночам на улицах Кабула, бронетранспортеры патрулировали город, вертолеты — небо, по комендантский час был отменен. Ведь 21 марта — праздник, Ноуруз — Новый год.

В городах в день Нового года у мест исламских культов устраивают народные гулянья. В Кабуле одним из таких мест была гора около нашего техникума, там возвышались белая мечеть и мавзолей, а чуть ниже склон оштетинился каменными иголками могил. 21 марта здесь выросли качели, карусели, появились лоточники, продавали бананы, мандарины, орехи, шашлыки, шербеты и прочую снедь. С горы до нас доносился шум, визг, смех и неизменная, по-детски нежная мелодия дудочки.

Ежегодно в этот день сюда целыми семьями приходят афганцы, люди побогаче приносят с собой еду, расстилают ковры прямо на могилах, степенно беседуют, пьют чай, каждого проходящего угощают чем-нибудь вкусным. На горе много наших студентов: там весело, а еще — можно вдоволь наесться.

Дети катаются на каруселях, запускают бумажных змеев, которые, взвиваясь в поднебесье, отважно прорывают сети белых нитей, сплетенные самолетами.

В день Нового года во всех городах, кишлаках и даже некоторых домах сажают первое в этом году дерево, проводят первую борозду, устраивают сельскохозяйственные праздники и выставки: Ноуруз — день начала полевых работ, день пробуждения земли. С этого дня снега, холодов больше не будет.

В нынешнем году все было как всегда: и карусели, и сладости, и традиционные

¹ НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана.

«хафтсия»¹, и первая борозда, и юношески стройное и беззащитное первое дерево...

В Кабуле весна буйная, дружная и очень короткая. Цветет все сразу — аблоны, вишни, персики, миндаль, кизил и совсем неизвестные нам кусты и деревья с пьянящим и дурманящим запахом. Зеленеют квадратные поля, и сверху город кажется мозаичным панно, выложенным плитками зеленого и коричневого цвета. Город купается в синеве неба, отражающейся в знойном воздухе, в снежных вершинах, в белых лепестках цветов.

А цветов в весеннем Кабуле — море. Первыми появляются тюльпаны с изломанными лепестками на тонких коротких ножках, они растут не только в горах, но и внизу, в долине, ютятся вокруг камней, прямо за домами. Тюльпаны продают на базарах — маленькие красные букетики за два афгани², ими украшают дуканы — огненные язычки дерзко пробиваются сквозь клубни молодого картофеля, грудой сваленного в углу овощной лавки, пламенют в зелени лука и кинзы. Букетики тюльпанов привязывают к тушам баранов, сайганов и буйволов, висающим в мясных лавках.

С наступлением тепла напротив «балапушного ряда»³ вырос цветочный базар, появился целый квартал насех сколоченных лавчонок, сверху донизу заставленных геранью в горшках, красной, белой, розовой, бело-розовой, пышущей зноем и солнцем. Здесь жители Кабула покупали герань и высаживали ее вокруг своих домов, на улицах, в парках, рядом с административными зданиями.

Но весенний Кабул — это не только благоухающие цветы и слепящее глаза солнце, это и грязь, и нищета, и смрадные запахи, идущие от бараньих туш, украшенных тюльпанами, и оборванные дети, и посеревшие от бессонных ночей и постоянных дежурств студенты.

Контрасты улиц, контрасты искусства, контрасты ритмов, красок, слов...

Студенты любили петь. Они пели после занятий, во время перемен и прямо на уроках, тянули себе под нос что-то грустное и тягучее...

Поражает, как тесно переплетены в сознании и поведении афганцев быт и его эстетическое осмысление, быт и искусство, как легко и свободно, и главное, органично в их жизнь входят краски, песни, стихи, метафоры.

Многие афганцы любят и прекрасно знают персидско-таджикскую поэзию. Стихи Рудаки, Джами, Саади, Низами и поэтов, писавших на языке пушту, знают наизусть, читают и поют не только профессиональные певцы и филологи.

Мне даже кажется, что каждый афганец в душе чуточку поэт, столько стихов окружает его в повседневной жизни. Ко-

ран написан белым стихом, и мусульманин должен хотя бы часть его сур знать наизусть; поэзия в форме притч, сказок, пословиц и изречений входит в жизнь афганца с младенческих лет и не покидает до старости — стихотворные рекламы заывают посетить «лучшие в мире» дуканы, пашлычные, чайханы; вывески заботливо предупреждают об опасности переходить улицы не в том месте; аккурратно выписанные рифмованные таблички просят не мять цветы и газоны.

Речи ораторы на митингах часто начинают с чтения стихов. Стихи сочиняют рабочие, крестьяне, студенты, школьники. Профессиональных поэтов в Афганистане немного, но существует богатая традиция поэзии народных сказителей, об одном из которых — о поэте Ашкар, восьмидесятилетнем старике, не умеющем ни читать, ни писать, зато слагающем стихи и песни, — мне с увлечением рассказывали. Ашкар живет в Кабуле, имеет дуكان в центре города, но люди приходят к нему не столько затем, чтобы что-то купить, а чтобы послушать стихи. Я видела портрет Ашкар — глаза в пол-лица, жесткие, пронзительные и мудрые.

Таких поэтов в Афганистане много, особенно ими славятся Бадахшан, Панджшир, Кучар.

Писали стихи и наши студенты, стихи о любви и о революции.

А еще они сочиняли и играли «драмы», причем это занятие казалось им необычайно занимательным и простым. «Драмой» в Афганистане называют короткие драматические сценки социального характера — «драмы» о жизни Дауда, «драмы» о новых фирманах⁴ правительства. Одну такую «драму», сочиненную студентами, я видела на митинге в КАМТе, посвященном аграрной реформе. Перед зрителями разыгрывались сцены из тяжелой жизни крестьянской семьи (больная жена, большой сын, нищета, долги). В финале в дом крестьянина приходит студент из города с газетой в руках и разъясняет суть земельной реформы. Ребята играли страстно и увлеченно, а зал в восторге свистел и смеялся — высшее проявление одобрения.

Профессиональный театр в Афганистане создается только сейчас, после революции «Драмы» играют актеры радио, телевидения, рабочие, студенты и лиценсты, а идут они в городских кинотеатрах, на временно сколоченных сценах на площадях, стадионах и в парках Кабула.

Благоговейно относится в Афганистане к книге — Книге. Такого звания заслуживают не все печатные издания. Как везде, афганские мальчишки рисуют на полях своих учебников, дерутся ими на переменах, подрисовывают усы на портретах. Но есть книги — их окружает ореол святости. Иногда такой книгой становился учебник русского языка. Эти книги везде носят с собой, завернув в чистую тряпку, как хлеб, их читают и

¹ Семь блюд, начинающихся на букву «с» персидского алфавита. «хафтсия» — семь «с» — традиционное угощение на Новый год.

² Афгани — денежная единица ДРА.

³ Так называли мы ряд магазинчиков, где продавались меха, шубы, куртки, шапки; «балапуш» шубы, пальто.

⁴ Фирман — указ.

перечитывают, пересказывают друзьям, их отстаивают и защищают.

Студент первого курса на праздник поехал в свой аул. Аул находится в Нуристане, где чуть ли не с осси орудуют басмаческие банды. Дорога домой связана с риском для жизни, но там родители, жена, а он их давно не видел. В дорогу Ахмад взял с собой учебник русского языка. Издание Кабульского политехнического института. Дома отец тут же конфисковал опасную книгу, приказал сыну ее сжечь — за русский учебник «братья мусульмане» могли убить. Книга исчезла, но когда через несколько дней Ахмад собрался в Кабул и прощался с женой, она из какого-то своего сундука достала и протянула мужу учебник русского языка. Жена не умела ни писать, ни читать даже на родном языке, но со священным трепетом отнеслась к тому, что принес муж, ведь это была Книга.

Обратный путь в Кабул был сложным, дороги на Нуристан перекрыты.

— Я ехал на танке, — гордо заявлял Ахмад, — с учебником русского языка.

Традиция почитания книги (слова) берет свое начало в глубокой древности, в мусульманских же странах она со временем воплотилась в веру в чудодейственную силу «богооткровенной» книги — веру в Коран, который, по преданию, аллах диктовал Мохаммеду в течение двадцати двух лет.

Вопросы веры щепетильны и немного таинственны. Но все же я дерзну написать о вере в Афганистане несколько строк.

Господствующая и государственная религия в Афганистане — ислам.

Однажды я лично оказалась свидетельницей разговора о трудностях революции. Студенты были растеряны, впервые осознав, что сопротивление контрреволюционных сил будет длительным и жестоким.

— Новая власть дала крестьянам землю, — говорил один. — Если у матери умирает от голода сын, а ей дают хлеб — а новая власть дала крестьянам хлеб, — то мать будет благодарна человеку, накормившему ее сына, и никогда не поднимет руки на этого человека.

— Но наши женщины верят в аллаха: если сын умрет, мать скажет — это хорошо. Его взял аллах...

Радиопередачи начинаются с чтения Корана, митинги, собрания открывает мулла. Мы видели афганскую хронику первых дней революции: танк, первым ворвавшийся во дворец Дауда, на него легко и изящно поднимается священнослужитель весь в белом и освящает танк и революцию; 19 августа во время празднования Дня независимости Н. М. Таракан по телевидению на Коране объявляет «священную войну» экономической отсталости страны, неграмотности, невежеству и «братьям мусульманам».

В школах, лицеях, техникумах есть специальный предмет — религия. В этом году на уроках религии вместе с традиционным толкованием Корана разбира-

лись вопросы соответствия законов нового правительства Корану.

Как-то войдя в аудиторию, я увидела, что мой студент-всечерник — солидный, чуть располневший мужчина средних лет — стоит во весь рост на парте, устремив взгляд в сторону Мекки, — он совершал намаз¹. Такое приходилось видеть довольно часто. Совершали намаз солдаты охраны: прямо на посту расстилали свои молитвенные коврики, рядом клали автоматы; из окна автобуса я не раз видела крестьян, стоящих на коленях посередине крошечного поля, а рядом терпеливо ждали толпе муллы.

Веровали по-разному: некоторые — по привычке, так учили с детства, другие — с неистовым фанатизмом. Встречалась и с людьми, относящимися к догматам религии критически, не принимавшим ортодоксальное вероучение, такими например, кому были близки терзания Ивана Карамазова и кто сетовал на то, что «Братья Карамазовы» не переведены на язык дари. Но были и другие. Рассказывали, что мулла дает верующим яблоко со словами:

— Если вы вкусите от него, то будете неуязвимы.

Яблоко пускают по кругу, а потом верующий может лечь под танк в полной уверенности, что он неуязвим. Вера в аллаха, в слово муллы оказывается могущественнее страха смерти.

Вера в действительную силу сакрального слова оборачивается в обыходе особым уважением и доверием к слову как таковому — слово может не только вдохновить на подвиги, но и сглотить, глотать «порчу», смертельно оскорбить.

Дела и поступки уходят, а слова о них остаются в веках, передаются из поколения в поколение. И может быть, поэтому оскорбление бранным словом считается в Афганистане самым унизительным: сказать о человеке плохо страшней, чем его ударить.

«Рана от сабли заживает, а от слова — нет».

«Брань — это всегда оскорбление достоинства и чести человека».

«По велению чести афганец и в огонь бросится».

«Честь и из могилы встает».

И еще много подобных пословиц и поговорок можно было бы найти в духовной кладовой народной мудрости. Но гордые, независимые, идущие на смерть — за свою честь и честь любимой — герои сказок, поэм, легенд и песен в Афганистане не только ностальгическое воспоминание о прошлом. Обостренное чувство собственного достоинства в высшей степени присуще и современному афганцу, оно проявляется даже в мелочах. Например, на улице бегущий человек — редкость: с точки зрения афганцев, свободному человеку незачем суетиться. И жители Кабула не просто ходят, а шествуют по кривым улочкам своего города.

¹ Намаз — ежедневная молитва.

Апрель — это месяц буйных гроз, шумных дождей и радуг в полнеба. Машина мчится по Кабулу навстречу брызгам. Янтарно-жемчужную пелену дождя разрывают младенчески зеленые поля. За спиной высушивают молнии. Мы въезжаем под арку семицветной радуги.

В этот день один из студентов получил письмо от родных о том, что «братья мусульмане» сожгли их дом и убили старшего брата...

В техникуме проходят митинги, студенты записываются добровольцами и комитеты защиты революции, после митингов многие идут на стадион разучивать гимнастические упражнения для предстоящего парада. Город готовится к торжествам и обороне одновременно, студенты учатся стрелять и репетируют «драмы», разучивают новые песни, готовятся к параду и почти не ходят на занятия.

Весь город выкрашен и затянута в красное — дома, заборы, дуканы, вплоть до чехлов на машинах.

Красный цвет — королевский цвет, цвет пышных роз и огненных тюльпанов, красный цвет — цвет любви. В Афганистане на свадьбу невеста надевает красное платье.

Красный цвет — цвет крови, свободы и революции. Таким он стал этой весной в Кабуле. Студенты ходили на занятия в алых рубашках не каждый день, но праздникам. За это могли убить: рассказывали, как в Логаре «братья мусульмане» зверски расправились с лицеистом только за то, что на нем была красная рубашка. Но смельчаки продолжали ходить в красном, особенно в дни празднования годовщины революции — 7 саура¹.

По городу ползли слухи, что во время праздника «братья мусульмане» подожгли баснословное количество взрывчатых под трибуны членов правительства, что было несколько взрывов в двух центральных мечетях, что всюду разбросаны листовки с угрожающим текстом: «Члены НДПА, берегитесь, скоро вам придется сбрызнуть свои усы... что из Пакистана пришел караван кочевников на верблюдах и с пулсметами... что Кабул в кольце, что... что... и что...»

Каждый вечер небо расчерчивали лучи прожекторов, медленно подлази языки света по крышам, горам, небу, а то вдруг тревожно замирали в одной точке. Белые лучи рождались высоко в горах и светящейся сеткой накрывали долину, они казались частью иллюминации и превращали город в сцену какой-то торжественной и величественной мистерии, и эта сцена-город была разделена на два мира — света и тьмы, центр города в огнях — цветными лампочками светится вальс дозвонгов, похожих на переносные ковры, дома, гостиницы, деревья, монументы, прожекторный сияет небо, взрываются фейерверки на центральном стадионе. Но в темноту погружены затаявшиеся переулки и громады гор.

¹ 7 саура — 27 апреля.

Вспоминаю разговоры тех дней:

— Учитель, нам очень тяжело. У нас в семье и я старший брат за народный режим, отец — против.

— Ну вот, — говорю я, — двое против одного.

— Но я люблю своего отца, я не буду его убивать.

— И он не будет.

— Нет, будет, у нас в провинции каждый месяц отец убивает сына... Нам очень трудно!

Помню, по центральной улице шла группа — человек пятьдесят лицеистов лет по 15—17, впереди парень, выкрикивающий революционные лозунги и гневные слова протеста в адрес мирового империализма и внутренней реакции, а девочки дружно вторили ему. Улица была безразлична к этому шествию у каждого свои заботы. Это был очередной «марш» в Кабуле. Но эти мальчики и девочки очень быстро повзрослели. Уже в мае многие из них вместо транспарантов взяли в руки оружие.

Домой в те осенние дни я писал:

«Сегодня утром — ярчайшее солнце, седые от росы кусты, красные, белые, желтые огромные розы, иду на занятия, навстречу мне директор техникума, он же секретарь одного из райкомов Кабула. Улыбка во весь рот: «Доброе утро!»

Я: Доброе утро!

Он (желая поддержать светскую беседу): Ну, как ваши студенты?

Я уже готова расплыться в ответной улыбке.

Он (продолжая): Все живы? Все ходят на занятия?

— Слава богу, пока живы!

А вокруг — весна и лето сразу, буйная зелень и буйное солнце, розы, которых так много, что студенты рвут их, как мы ромашки, и нервно теребят лепестки вроде нашего — любит, не любит; любит, не любит...»

Моего ассистента звали Шир Замин — Лев Земли, в прошлом году он окончил техникум, ему шел 21-й год, членом НДПА стал в 14 лет. До революции партия существовала нелегально: если в общепитии у студента находили книги Ленина, Маркса или просто советские журналы, то за это жестоко избивали, исключали из техникума. Но бывший директор был по своему честным человеком — он кричал на студентов, топал ногами, по его приказу студентов избивали, но никогда никого не исключили из техникума за членство в партии.

Начало самостоятельной жизни Шир Замин совпало с победой революции. Он ходил по техникуму хозяином, улыбался, казалось, что от счастья сияют не только огромные черные глаза его, но и ресницы, брови. Мы подружались, и он

¹ В Афганистане строго соблюдается традиция почитания старших — отца, учителя; по кодексу афганской чести сын не может поднять руку на отца, а отец на сына — может.

взахлеб рассказывал мне о новых преобразованиях в стране, о митингах, маршах, субботниках, о ночных беседах с крестьянами — по ночам члены партии уходили в деревни разъяснять суть указов Революционного Совета. С улыбкой и гордостью говорил о первых столкновениях с «братьями шайтана».

— А как ваш отец относится к революции?

— Он против. Если он узнает, что я в партии, он меня так, — и жест рукой по горлу.

— Зарежет?

— Да. Он темный, он не умеет читать, писать. Он ничего не знает. Если ему сказать, что вождь пролетариата Ленин, он скажет — аллах. Он дукандар, у нас много земли.

Еще у Шир Замина была мечта поехать учиться в Москву, жениться и иметь много детей, конечно, всех мальчиков.

В феврале у его отца отобрали лишние земли, а в марте «братья мусульмане» сожгли их деревню. Налета «ихванов» ждали, поэтому в каждую семью дали оружие, членам партии — пулеметы. Но кто-то из крестьян перешел на сторону «братьев мусульман», тогда органы безопасности (встречалось при Ами-не и такое!) разоружили всю деревню, в ту же ночь с гор спустились бандиты, напав на безоружных, сожгли все.

— Я не знаю, где мой отец, где брат... Говорят, они спрятались в горах.

— Они живы?

— Не знаю. Мне сказали, что живы.

В апреле Шир Замин призвали в армию как члена партии.

Увиделись мы только через месяц. Я позвращалась домой с вечерних занятий. У дороги на короточках, как всегда, сидели какие-то ребята, я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, обернулась, улыбка одного из них показалась мне знакомой. Это был Шир Замин. Он встал, подошел, мы поздоровались за руку.

— Я вас сразу не узнала.

— Парва надарад, нас отпустили из армии на выпускной вечер, я остался еще на день.

— Вы долго еще будете в армии?

— Я должен воевать, я солдат... Я пришел проститься.

Через две недели я улетила в Москву, больше мы не виделись. Осенью, когда эти заметки были закончены, я получила письмо из Афганистана, в котором мне писали, что Шир Замин погиб, защищая революцию...

Сколько раз я слышала в эти дни: «Я должен, это нужно моему народу!» Студенты месяцами не получали из дома писем, они не знали, что с их близкими: с отцом, матерью, женой. Они только знали, что дороги перекрыты, что в провинциях орудуют банды «ихванов», что после их набегов от деревни ничего не остается, что их отца и мать могут убить за то лишь, что дети учатся в красном Кабуле... И все-таки: «Я должен!»

— Учитель, как я устал. — В голове тоска и грусть. — Неужели летом не

разрешат поехать домой? Я уже восемь месяцев не был дома...

— Скоро каникулы, через месяц вы будете дома.

— Да, скорее бы.

Через неделю М. по партийному призыву взяли в армию. Он еще как-то раз появился на уроке, возмужавший, повзрослевший, а на мой вопрос, долго ли он еще будет в армии, твердо ответил:

— Пока будет жив хоть один враг революции...

М. пишет стихи, мечтает попасть в институт, где учат только русскому языку, способности у него к изучению языков феноменальные — за год он научился говорить по-русски почти без ошибок.

— Война — это страшно... Люди просто шли по улице, они ни за революцию, ни против. Они просто гуляли... Потом бульдозером убирали трупы.

— Вы о чем?

— Неделю назад в нашем городе были «ихваны»...

Я вспоминаю Халила, зануча техникума. В апреле лестницу, по которой он поднимался в техникум, и его самого осыпали цветами, тогда, после революции, он только начал работать, а в декабре, по этой же лестнице, спотулившись, он уходил из техникума навсегда. Позже я узнала, что Халил погиб от пыток в аминской тюрьме.

Я слышу слова вечерника, его растерянное:

— Меня уволили, я двадцать лет проработал на заводе. Я не знаю за что... Жена? Нет, не знает. Я говорю, что ухажу на работу...

Из окон моей аудитории сквозь тучи пыли я вижу санитарную машину, подъехавшую к одному из дувалов, из нее выходят автоматчики, сверху видно, как они медленно входят во двор, в дом, появляются через несколько минут, впереди устало идет человек, нельзя понять — молодой или старый, за ним автоматчики, поодаль за ними, странно подпрыгивая, бежит женщина, ветер рвет концы ее серого покрывала. Люди движутся бесшумно, бесшумно тронулась машина, без единого звука, прямо в пыль на дорогу упала женщина и выгнулась вперед, в сторону уходящей машины и красного полумесяца.

(В конце весны начались аресты, в тюрьмы бросали студентов, преподавателей. Амин забирает полноту власти в свои руки.)

И слышу звонкое, мальчишеское:

— Я буду счастлив отдать свою жизнь за народ, за революцию. Я не боюсь оказаться в тюрьме...

И на прощанье:

— Я хочу, чтобы вы знали правду, расскажите об этом своим друзьям...

Город тихо уплывал вдаль, показавшись на прощанье весь разом во всей своей мозаичной красоте, — под крылом самолета покачивались дома-дворики, мечети, минареты, базары, дороги...

РЕПОРТАЖ ИЗ КАБУЛА

Никогда раньше я его таким не видел. Ночью из окна моей комнаты он казался звездным небом, опрокинутым в озеро, днем пугал своей бедностью. Самолет набирал высоту, город медленно

уходил в ущелья, прятался в снегах Гиндукуша, вновь превращаясь в заманчивую тайну и далекую сказку о садах Семирамиды.

Июль 1979 года

ФИЛЛИП БОНОСКИ

НА ТОЙ НЕДЕЛЕ В ЯНВАРЕ...

Анализ одной фальсификации

Вечером 8 января я вылетел в Кабул. Развернув в самолете свежий номер «Интернешнл геральд трибюн», я узнал, что по приземлении в Кабуле, который «недавно был ареной ожесточенных боев между советскими и афганскими частями», я не увижу ни одного вооруженного афганского солдата: советские войска, сообщила газета, «разоружили всех афганцев».

Первое, что я вижу, сходя по трапу самолета на кабульском аэродроме, — афганский солдат, застывший по стойке «смирно», в руке у него — винтовка с примкнутым штыком. Второе, что я вижу, входи в зал ожидания, — еще один афганский солдат, на этот раз с автоматом.

Так дальше и шло все те восемь дней, что я пробыл в Кабуле: «война», которую мне довелось там наблюдать в те дни, была войной слов. Кабул жил мирной, упорядоченной, деловой жизнью. А в эфире вокруг него бушевала радиовойна, развязанная Ви-би-си, «Голосом Америки» и многими другими «голосами». «Война» в Афганистане была войной за умы, за общественное мнение. Здесь, на месте событий, я своими глазами увидел правду — и то, как ее убивают.

В Кабул прибыл чуть ли не весь корпус иностранных корреспондентов из Москвы плюс еще две сотни западных репортеров, примчавшихся в Москву, как только прошел слух, что журналистам будут давать въездные визы в Афганистан. Здесь, в далеком Кабуле, меня окружали знакомые лица. Мне выпало на долю стать непосредственным свидетелем попытки — не имеющей, пожалуй, прецедентов в истории журналистики — оболгать не одного какого-нибудь человека, а целый народ, целую революцию. Если в Москве западные корреспонденты

занимались этим, так сказать, в умеренном темпе, то в Кабуле они предприняли яростную массированную атаку. Вопрос обсуждался в Организации Объединенных Наций. Картер обвинил Советский Союз в «незаконной военной оккупации Афганистана», и ему позарез нужны были «свидетельства» корреспондентов, чтобы придать своему обвинению видимость солидности. Требовалось ковать железо, пока горячо: Картер отчаянно нуждался в этих материалах, чтобы оказать влияние на мировое общественное мнение и на американских избирателей, причем нуждался в них срочно.

Газетчики, обрушившиеся на Кабул в ту памятную неделю января, отбросили — за недостатком времени и по бесцеремонности — протокольные приличия и фиговые листки, которыми прикрываются обычно. Они начали орудовать с такой беспардонностью, что в конце концов Афганистан был вынужден выдворить их за пределы страны. Но прежде чем это случилось, успели по-садиistically отомстить этому народу, отчаянно сражающемуся с отсталостью, вся «вина» которого состояла в том, что он пытается сбросить со своих плеч вековое бремя нищеты и угнетения!

На протяжении восьми дней своего пребывания в Кабуле я знакомился с обстановкой на месте и писал корреспонденции в нью-йоркскую «Дейли уорлд».

Простой американец обычно не имеет возможности проверить, насколько правдива информация, которую поставляют ему газеты, телевидение и радио: они не принадлежат ему и находятся за пределами его досягаемости. Много событий должно было произойти в истории, что-

ФИЛЛИП БОНОСКИ — PHILLIP BONOSKY (род. в 1916 г.).

Американский прогрессивный писатель, публицист. Начал печататься в 1947 г. Советские читатели знакомы с творчеством Ф. Боноски по вышедшим в русском переводе романам «Горящая долина», «Волшебный папоротник», критико-публицистической книге «Две культуры», по рассказам и статьям в периодической печати. В «ИА» печатались отрывки из его книги путевых очерков «За пределами мифа. От Вильшюса до Ханоя» (№ 12, 1972). Фрагменты из дневника «На той неделе в январе...» получены редакцией в рукописи.